

КРОВЬ, ПОТ И СЛЕЗЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

Я попытаюсь в пределах десяти тысяч знаков¹ сформулировать опыт построения религиоведения как образовательного и исследовательского проекта, начавшегося в Архангельске в 1993 году, продолжившегося с 2001 года во Владимире и ставшего возможным благодаря межрегионально– международным личным и дружеским отношениям в 2013– 2015 годах (Владимир– Эрланген, Германия– Саппоро, Япония). Представленное ниже – не академический аналитический религиоведческий текст, но, скорее, эмоциональный отклик – на эмоциональный же порыв.

Я благодарен Татьяне Александровне Фолиевой за очередную «молодежную инициативу» (я с этого года уже и пока еще работающий пенсионер, так что прошу простить за некоторый возрастной снобизм) и ее смелость в очередной раз публично высказать свои переживания о судьбах религиоведения в нашем общем Отечестве, поделившись в ответ некоторыми исключительно личными соображениями, несомненно, только субъективными и односторонними, но отражающими «региональный опыт».

Практически со всем, что сказано о безумном количестве бумаг, сокращениях нагрузки, уменьшении ставок и вопросах выживания людей на кафедре полностью согласен, хотя у меня во Владимире работает около тридцати человек и мы ведем полный цикл: три направления бакалавриата– религиоведение, философия и социальная работа (в этом году – около ста специализирующихся студентов), одно направление магистратуры (религиоведение, первый набор был в прошлом, 2014 году) и аспирантуру по двум направлениям. Переход на новые стандарты и условия финансирования и у нас переживается очень болезненно, а на будущий год уже не дано ни одного бюджетного места на философию и религиоведение, выделены места только на социальную работу и на магистратуру по религиоведению. Социальная работа была открыта кафедрой

---

¹ Рекомендованный объем текстов в рамках раздела составлял 10.000 знаков. – здесь и далее *прим. ред.*

как «подушка безопасности» в условиях, когда малопопулярные, по сравнению с менеджментом, экономистами и юристами, но «любимые» нами профессиональные направления, могут оказаться просто лишенными поддержки со стороны государственного бюджета, а «выживать» коллективу, сохранив «профи», хотя и с некоторыми неизбежными потерями, как очевидно, необходимо. Это, конечно, не сознательная «атака» на нашу специальность неких «врагов», но голая экономика «без человеческого лица», еще два года нас во Владимире нас ждет «демографическая яма», когда абитуриентов по факту просто становится меньше. Это надо пережить.

Об активности: во Владимире нагрузка в этом году: старшие преподаватели – 900 часов, доценты – 890, профессора – 780, а заведующий кафедрой – 750. У каждого от шести до девяти дисциплин, по которым надо составлять учебно-методические комплексы и т.п. Как можно выживать в этих условиях – вопрос риторический. Тем не менее, коллеги делают свое дело за фактически (если считать в евро) вдвое меньшую зарплату, чем даже год назад, пишут заявки и выигрывают гранты РГНФ (три в этом году), при этом еще ведется один грант Министерства образования и науки (2014–2016). В октябре планируем две очередные конференции¹ – куда всех приглашаем. Конечно, трудно все это тянуть. К примеру, коллега из Германии, получив совместный грант (РГНФ – Немецкое научно-исследовательское общество) с нами, получил и ставку для работы только по этому гранту, уйдя на период его выполнения в академический отпуск, а на его место университет взял другого человека, т.е. предоставляется финансовая и физическая возможность реальной углубленной работы над темой проекта. У нас, к сожалению, такое немыслимо. Конечно, коллеги, которые имеют возможность год работать над одной статьей, будут смотреть на работу свои партнеров, имеющих для этого один выходной, или, что чаще, одну ночь, как на профанацию, что в значительной мере и имеет место в нашей ситуации, хотя, на самом деле, в сложившихся условиях, это бывает повседневным «невидимым подвигом».

---

¹ Информация на сайте «Академическое религиоведение»: URL <http://religioustudies.in/>, дата обращения 01.09.2015.

Каждый наш грант – это, конечно, престиж, успех, почет и уважение со стороны администрации, отношения с которой, если у вас нет грантов, строятся на совсем других основаниях; это и простая возможность получить деньги на удовольствие от свободной работы по интересу, но и, неизбежно, дополнительная нагрузка, которая, в нынешних условиях «выживания» и «безумного бумаготворчества» для многих оказывается почти запредельной – ведь у всех нас есть, помимо работы, еще и семья, дети, внуки, близкие люди... Активных коллег у меня на кафедре – только пять человек из тридцати, с некоторыми я практически не общаюсь, а некоторые не общаются со мной, но «пассивность» большинства, это не столько «тупая придавленность» обстоятельствами жизни, особенно в условиях именно этого, 2015 года, сколько (я сужу по себе) занятость и стремление делать простые, но важные «малые дела», без которых кафедра легко может выродиться в «серпентарий» грызущих друг друга за деньги особей.

О страхе: мне лично близки не феодальные, но демократические ценности. Я стараюсь, хотя порой с весьма большим трудом, жить, уважая достоинство коллег, проявлять терпимость к особенностям, в том числе характерным, мировоззренческим и профессиональным, друг друга, основываясь на взаимопонимании – хотя, конечно, в экстремальных условиях этого года, угроз сокращения и жизни в постоянно усложняющихся условиях, нервы иногда могут сдавать, а деликатный и болезненный процесс распределения нагрузки, порождает очень даже яркие конфликты и обиды, которые надо преодолевать и «уврачевывать» без «потери лица» участников.

В целом, в небольшом отступлении хотел бы сказать, что мне вообще повезло, поскольку само начало моей работы над религиозно-философской тематикой еще в Архангельске в 1991 году совпало с перестройкой и изменением в обществе некогда господствовавшего отношения к религии как к «мракобесию», «суевериям», «врагу науки» и т.п. Это было прекрасное время свободы и новых, небывалых ранее возможностей.

Возник коллектив друзей и близких по духу и интересам коллег, душой которого были Н.М. Теребихин и В.Н. Матонин, с кем добрые отношения сохраняются и сегодня. Мы были и есть

все разные, в плане «конфессиональной идентичности», «уровня религиозности» и «воцерковленности» люди, но что нас сближало и сближает – так это искренний интерес к тому, что такое религия. Коллектив постепенно формируется и во Владимире, подбираются коллеги, налаживаются связи, «утраиваются» разногласия, делаются проекты.

О востребованности: в 1990-е годы, когда всё начиналось, появилась возможность писать о религии с ее главной стороны, собственно, «сущности» – универсальных, вечных и серьезных «ностальгии по настоящему», «надзора за таинственным», ставших в письменных культурах книжной и высокой традицией отношения к трансцендентным основам бытия, а в нашем Отечестве – тем, что именуется религионимом (конфессионимом) «православие». Конечно, и в последние годы это особенно ярко проявилось, православие является еще и социальным (княжеским, царским, имперским) историческим конструктом, возникшим в определенное время и конкретных социо-культурных обстоятельствах, всегда «слишком человеческим», поскольку творили и творят его живые и конкретные люди «из плоти и крови», со своими интересами, контекстами, концепциями, предрассудками и ошибками. В 1990-е годы многим казалось, что религиоведение, как и природоведение, это наука о религии, которая позволит точно знать, что с религией делать, позволяя, подобно тому, как Академия наук «ведает» вопросами естественно-научных и гуманитарных исследований, «ведать» и вопросами религии, «духовного возрождения», религиозного образования. Открывались кафедры по всей стране, давались бюджетные места и выделялись гранты.

Достаточно быстро, уже к 1997 году, во власти сформировалось две тенденции в отношении к религии, сохраняющиеся и сегодня. Оказалось, что религиозные объединения, которыми советская власть «ведала» более семидесяти лет, хотят обрести достойные независимость и самостоятельность – особенно это удалось Русской православной церкви и ряду других влиятельных институций, прежде всего «традиционных». Эта ситуация зафиксировалась в известной преамбуле Федерального закона от 26.09.1997 №125–ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Власть, в условиях

демократических выборов, очевидно заинтересованная в поддержке со стороны этих мощных «электоральных сил», стала налаживать с ними формальные и неформальные отношения без посредников (религиоведов) или с очень узким слоем специально «посвященных» экспертов, при этом в целом в обществе сформировался известный «проправославный консенсус». Я не готов обсуждать здесь историю государственно-церковных отношений последних двух десятилетий – нет места, – но именно в этом контексте мы (профессиональное «мы») и существовали эти годы. Итак, первой тенденцией является «сотрудничество», тогда как второй – «самосохранение», стремление сторон сохранить свою аутентичность (поиски новой аутентичности), «правозащита» (экспертизы на присутствие признаков экстремизма), образование и научные исследования.

Моя первая попытка (во многом наивная, с современной позиции) нового осмысления религии и представления ее студентам выразилась тогда в трехтомнике «Религия вчера, сегодня, завтра»¹, издание которого помог осуществить ректор В.Н. Булатов (1946–2007). Конечно, не могу не сказать и о МГУ имени М.В. Ломоносова, об И.Я. Кантерове и И.Н. Яблокове, поддержавшими мой докторский проект 2000 года и многие наши издания, конференции и грантовые заявки за все эти годы. Тогда же ежегодно стали проходить локальные конференции с коллегами из Скандинавии – Норвегии, Швеции и Финляндии, нас стали приглашать на конференции Европейского Общества изучения науки и теологии² и ряда других международных объединений, так или иначе связанных с исследованием религии, вопросами диалога религии и науки, религиозного образования и т.п. Я очень благодарен целому ряду фондов, особенно РГНФ, который уже более десяти лет оказывает нам ежегодную поддержку.

Мне представляется, что пока мы находимся в периоде «авторских проектов», когда в стране «вызревают» новые центры, имена и публикации, складываются «виртуальные сообщества» и интернет-проекты. Жаль, что не получили продолжения интересные проекты

---

¹ Аринин Е.И. Религия вчера, сегодня, завтра. Вып. 1–3. – Архангельск: Издательство Поморского государственного педагогического университета им. М.В. Ломоносова, 1993–1996.

² European Society for the Study of Science and Theology, см.: URL <http://www.esssat.eu/>, дата обращения 01.09.2015.

«Кафедры религиоведения» журнала «Религиоведение» (2001) и «Справочник религиоведа» (2009). Хотелось бы надеяться, что это дело не очень далекого будущего, поскольку они дали первый и важный опыт публичного представления академического сообщества отечественных исследователей религии и тех, кто преподает знания о ней.

Бывало ли хуже? Да, – например, в Архангельске в 1997 году, когда городские столбы были заклеены рекламой Русского национального единства, явно чувствовался черно-коричневый дух, а студенты – историки и юристы, – вставали на лекции с вопросами: «А Вы сами православный?», «Зачем Вы нам преподаете “безбожный курс”, т.е. очередную “подделку под истину”?» и сентенциями наподобие: «Настоящее религиоведение должно быть истинной теологией, нашей, подлинной, православной...». Сегодня во Владимире этого нет.

Каждый делает, что и как может, кидать камни в «своих» – не самое академическое занятие, можешь сделать лучше – делай, но надо и быть готовым к тому, что критика возможна, даже востребована и это надо тоже пережить. Кто лучше – видно по делам; конференциям, публикациям, грантам и т.п., а лучшее порой, как известно, враг просто хорошего.

Сегодня, конечно, никто никому не может навязать «общение» и «ассоциирование», все мы просто «вольные религиоведы», но есть и институции, которые одних делают более влиятельными, чем других. Мы ответственны за пусть даже случайно, «на эмоции», брошенную фразу в блоге, тем более в печати, которая всегда может быть использована против нас же самих.

Есть ли в стране некое религиоведческое «мы», эмпирически явленное в сотрудничестве и грандиозных проектах или только воображаемое неким «харизматическим лидером»? Есть ли смысл выставлять «претензии» друг другу, если нужно, пока еще не совсем поздно, строить будущее, поскольку может оказаться, что «религиоведов» больше вообще не осталось, только философы, историки, социологи, психологи, антропологи и т.п., «исследующие феномен религии» и преподающие знания о ней студентам.

Нам никуда не уйти и от вечной апории между хорошо известными нашему поколению высказываниями «прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться»¹, с одной стороны, и «ребята, давайте жить дружно» бессмертного Кота Леопольда. Выбор за нами.

Будет жаль, если возникший в 90-е годы XX века проект «отечественное академическое религиоведение» прекратит существование и молодежь массово почувствует больший интерес к ИГИЛ, а не к академической науке.

Молчание коллег – это не повод для обид, есть же «молчание Будды» и «исихазм», мне ближе Окуджава с его «Давайте делать паузы в словах», и иногда молчание – золото, а простой секундный взгляд может сказать больше, чем тысячестраничный том.

Мне представляется очевидным, что проблема лежит в области «чувств акторов», при этом, прежде всего, привлекаются чувства столичных экспертов, т.е. интеллектуалов с научной степенью, тонких и профессиональных исследователей, работающих десятилетиями в сфере «прав человека», фокусирующихся, как правило, на неприкосновенности внутренних убеждений гражданина и его праве на объединение со сторонниками той или иной конфессиональной (юрисдикционной) принадлежности. Вместе с тем, «проправославный консенсус», сложившийся в современном российском обществе, в числе прочего, порождает «войну экспертиз», поскольку очевидно, что заключения, которые готовит, к примеру, «Институт государственно-конфессиональных отношений и права» никогда не совпадут с заключениями, которые подготовят в «Московской Хельсинской Группе». Действительно, об одной и той же действительности, как хорошо известно, всегда можно сказать: «стакан наполовину пуст» / «стакан наполовину полон».

---

¹ Ленин В.И. Заявление редакции «Искры» // Он же. Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. – Изд. 5-ое. – М.: Издательство политической литературы, 1967. – Т. 4. – С. 358.